

В круг знакомых Сергея Александровича Есенина входил Павел Давыдович Дружинин, творческая судьба которого была схожа с судьбой многих новокрестьянских поэтов. В своей автобиографии Павел Давыдович писал: «Я родился в селе Тезикове Наровчатского уезда Пензенской губернии в 1890 году 15 января по старому стилю. Учился в трехклассной земской школе. Мать моя, Агриппина Андреевна, неграмотная. Отец, Давыд Изотович, грамоте научился у сельского дьячка и впоследствии был сельским писарем»¹. Отец умер, когда Павлу было восемь лет. Многодетная семья Дружининых жила бедно, поэтому Павел в одиннадцать лет стал работать на спичечной фабрике Лошкарева. Через семь лет он уезжает на заработки в Москву. С ранних лет Павел увлекается чтением. Его любимым автором, как у Есенина, был Гоголь. Дружинин начинал с прозы. Он писал рассказы, подражая крестьянскому писателю Сергею Семенову. Первым литературным произведением нашего земляка стало «Сочинение из деревенской жизни». На-

Сергей Есенин

чинающий автор попытался его опубликовать, но рукопись из издательства вернули. В автобиографии Дружинин с юмором вспоминал о своих «литературных мытарствах» и судьбоносном решении стать поэтом: «На толкучке я купил сочинения А. Кольцова. Ознакомившись с его стихами и биографией, я немедленно с прозы переключился на поэзию. Написал целую тетрадь стихов... Однажды я все-таки рискнул послать всю тетрадь в редакцию маленькой еженедельной газетки «Доля бедняка», издаваемой Суриковским кружком. Через неделю купил в киоске номер газетки, развернул и — ахнул от счастья: там был напечатан мой стишок: «Ты помнишь ли, когда мои баранки ела, — / О, как восторженно ты на меня глядела! / Когда ж вся связка улыбнулась, / Ты от меня к Ивану отвернулась»².

Отметим, что с юности Павла Дружинина, как Сергея Есенина, отличала особая любовь к поэзии Алексея Кольцова. У Дружинина это потом отзовется в стихах, воспевающих крестьянский труд: «Пахарь» (1917), «Думы крестьянина» (1917). «Косарь» (1922). Есенин начинал писать стихи, подражая народным частушкам. Первый опубликованный «стишок» Павла Дружинина «К ней» представлял из себя также переработанную частушку. Он мог бы повторить вслед за С. Есениным: «Влияние на мое творчество в самом начале имели деревенские частушки»³. Этим можно объяснить то, что оба начинающих новокрестьянских поэта посещали в разное время один и тот же Суриковский кружок. До призыва в армию Павел Дружинин опубликовал, как он сам с иронией писал в автобиографии, всего «три или четыре своих стишка».

Тема деревни — была главной уже в раннем творчестве Павла Дружинина, его с полным правом можно отнести к плеяде новокрестьянских поэтов, заявивших о себе на рубеже 10–20 годов XX века. Его лирический герой стремится душой в родную деревню. Об этом проникновенно написано в стихотворении, датированном 1911 г.: «В деревню, где сереют хаты / На фоне золотых полей, / Я унесусь мечтой крылатой / С любимой музой моей. // В просторы, на родные нивы, / Политые моей слезой, / Я брошу буйные призывы, / В борьбе рожденные грозой. // И им внимая смутно, слабо, / Родного вспомнят земляки, / И улыбнутся тихо бабы, / И засмеются мужики»⁴.

В 1911 г. начинающего поэта забрали на службу в царскую армию, три с половиной года он провел на фронте, все это отвлекало его от занятий литературой. В 1917 г. Павел Дружинин вновь обращается к поэтическому творчеству. Его лирическим откликом на Октябрьскую революцию становится стихотворение «Огненные зори» (1917). В нем отразилась вековая мечта крестьян о счастливой доле: «В голове крестьянской / Закипела дума, / Захотелось песен, / Захотелось шума // ...Огненные зори, / Голубые дали, / Унесите дальше / Прежние печали // ...Буйнокрылый ветер, / Размечи по полю / Старую, плохую, / Да лихую долю. // Пусть тяжелым камнем / Канут на дно моря / Прежние невзгоды / Да бывшее горе...»⁵ Дружинин воспринимал Октябрьскую революцию с «крестьянским уклоном», если использовать выражение Есенина. Образ ветра у поэтов, имеющих сходные черты, символизировал революционные перемены. Так, например, Сергей Есенин писал в 1917 г. с воодушевлением в стихотворении «О верю, верю, счастье

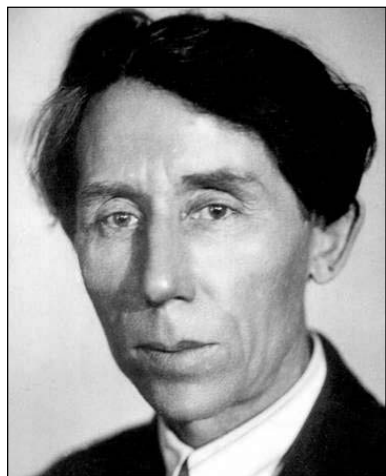
ест!»: «Звени, звени, златая Русь, / Волнуйся, неумный ветер!» (1, 128). Это еще один пример того творческого диалога, который Дружинин вел с Есениным.

После Октябрьской революции Павел Дружинин активно публикуется в советской печати. В 1920 году он служил делопроизводителем в военном учреждении на Туркестанском фронте и жил в Ташкенте, где подружился с другим самобытным новокрестыанским поэтом Александром Ширяевцем — близким другом Есенина. В Ташкенте в 1920 г. выходит первый поэтический сборник стихов Дружинина, в котором опубликовано его программное стихотворение «Песни самоучки», давшее название всей книге. Начиная автор так характеризует свое творчество: «Не праздно-звонкими словами / Пленяясь, песни я творил, / А болью сердца и слезами / Свой каждый стих я искупил. // В часы тяжелой, страстной муки, / В минуты грусти и тоски / Рождались песен моих звуки — / Души мятежной огоньки»⁶.

В мае 1921 г. Александр Ширяевец познакомил Павла Дружинина с Сергеем Есениным, который в это время приехал в Ташкент. Воспоминания о его первой встрече с Есениным впервые были опубликованы в марте 1966 г. в газете «Пензенская правда». Приведем из них отрывок: «...В один из жарких ташкентских дней, сидя спиной к раскрытому окну за служебными делами, я почувствовал какое-то странное беспокойство... Оглянувшись, я увидел на тротуаре перед окном поэта Александра Ширяевца и рядом с ним незнакомого мне молодого человека в элегантном сером костюме и серой шляпе. Оба они, Ширяевец и незнакомый молодой человек, глядели на меня и улыбались, а Ширяевец делал знаки, чтобы я вышел на улицу...

— Эй, Русь, знакомься: Сергей Есенин, — сказал он, и его широкое круглое лицо расплылось в улыбке еще шире»⁷.

Сергей Есенин — «приятный на вид, простой, скромный паренек» с «застенчивой улыбкой», стихи которого в то время стали очень популярны, очаровал своим обаянием Дружинина. Начиная стихотворец, как он сам себя называл, «самоучка» впервые услышал, как Есенин, «входивший в то время уже в большую славу», с потрясающей самоотдачей и мастерством читал свои стихи и отрывок из «Пугачева» в «кружке ташкентских стихотворцев». Дружинина поражало, как менялся во время публичного чтения Есенин, в быту он был совсем другим: «...я видел перед собой светлоликого и тихого юношу с характерной есенинской прической. Он был как-то вдумчиво невозмутим». Есенин, Ширяевец и Дружинин присутствовали на литературном вечере ташкентского поэта Семена Окова, который состоялся в Доме имени Луначарского. Как известно, Есенин был в приятельских отношениях с московскими пролетарскими поэтами из литературного объединения «Кузница» и дружил с В. Кирилловым, избранным в 1921 году председателем Всероссийской Ассоциации пролетарских писателей. При этом теоретические положения пролеткультовцев С. Есенин не разделял. Семен Оков с воодушевлением прочитал стихотворение, воспевающие романтику свободного труда: «Бей молотом! Бей молотом! Бей! / Окрашены лица пылающим жаром...» Публика в зале, за редким исключением, не разделяла его революционный пафос. Есенин вышел из себя, став свидетелем того, как с насмешками реагирует зал «из быв-

Павел Дружинин

ших людей» на исповедальную речь пролетарского поэта Окова, рассказавшего о том, как его родила бездомная нищенка в хлеву. В ответ на этот «злой смех» Есенин потемнел лицом, сжал кулаки и полусепопотом заговорил: «Зачем, зачем он это делает, унижается, да еще перед кем унижается, чужак». Дружинин на всю жизнь запомнил есенинский урок, воспитывающий чувство достоинства у творческого человека. Встреча с Есениным стала судьбоносной для Павла Давыдовича, с тех пор его поэтическая судьба была во многом связана с гениальным поэтом. Дружинин писал многие свои стихи под несомненным влиянием есенинских традиций. Не превращаясь в эпигона Есенина, он их талантливо развивал, сохраняя свою творческую самобытность.

После демобилизации в 1923 г. Павел Дружинин вернулся в Москву и целиком посвятил свою жизнь поэтическому творчеству, добившись значительных успехов и признания. Он был принят в литературную группу «Перевал», созданную в 1923 г. Александром Вронским. В «Перевал» входили известные поэты (Эдуард Багрицкий, Михаил Светлов, Дмитрий Кедрин) и талантливые прозаики (Артем Веселый, Иван Катаев и др.). Дружинин с радостью встретил в этой группе своего земляка-пензяка, уроженца Мокшанского уезда Александра Малышкина. Став своим в литературной среде, Павел Дружинин усваивал профессиональные навыки и быстро учился поэтическому мастерству. В 1925 г. авторы монографии «Русская поэзия XX века» И. С. Ежов и Е. И. Шамурин в раздел «Крестьянские поэты» включили стихи Павла Дружинина. Так пензенский поэт оказался в одном ряду с Есениным, Клюевым, Клычковым, Орешниковым, Радимовым, что было вполне им заслужено.

Дружинин много печатался в первом толстом советском литературном журнале с символическим названием «Красная новь». Его главным редактором был в то время критик Александр Воронский. В этом журнале публиковались произведения самых известных прозаиков и поэтов, представляющих цвет молодой советской литературы. Само перечисление имен говорит о многом. Приятно сознавать, что рядом с Бабелем и Есениным опубликованы произведения наших земляков: Малышкина, Гладкова, Дружинина. Да, стихи Сергея Есенина и Павла Дружинина напечатаны были рядом, на соседних страницах. Редактор сделал это не случайно, а вполне осознанно. Павел Дружинин воспринимался Воронским как талантливый новокрестьянский поэт, близкий по духу своему рязанскому собрату, который к тому времени уже отошел от имажинизма и пытался вернуться на круги своя и объединиться со своими старыми друзьями — новокрестьянскими поэтами. Особые надежды он возлагал на Александра Ширяевца. Именно с Павлом Дружининым Есенин хоронил Ширяевца, скоропостижно умершего в 1924 г. Дружинин вспоминал: «Когда умер А. Ширяевец, мы вместе с Есениным ходили покупать ему покойницкую сряду. Есенин почему-то настаивал купить Ширяевцу шелковые носки. Так он и говорил: «Надо обязательно купить Саше шелковые носки». Вид у Есенина был очень удрученный, и мне казалось, что он вот-вот расплещется».

После этого я не встречался близко с Есениным. Увидел я его в последний раз в Доме печати уже в грубу».

Нельзя не отметить такое символическое совпадение. Рецензии на есенинский сборник «Москва кабацкая» и на дружининский сборник «Соломенный шум» были опубликованы в одном пятом номере журнала «Красная новь» за 1924 г. Рецензент, в частности, отмечал, что Павла Дружинина с большим основанием, чем кого-либо иного, можно причислить к подлинно-крестьянским (т. е. не «мужиковствующим») поэтам. Основная особенность народного поэта — огромная любовь к родной земле, любовь к «поэзии земледельческого труда» — освещена у П. Дружинина светом особенной, проникновенной и мягкой ласковости... Любовь

к земле и труду — мудрая мать поэзии П. Дружинина. Это сообщает особенную нежность его стихам. П. Дружинин пишет очень просто («по старинке»), но, вместе с тем, с удивительной слуховой и зрительной чуткостью... Автор, конечно, не свободен от подражательности...»⁸. Рецензент подчеркивал, что подражал Дружинин именно Есенину. На самом деле, если первый сборник Дружинина был «ученическим», то во второй книге «Соломенный шум» (1924) его талант раскрылся уже во всей своей самобытности. Можно с полным правом утверждать, что здесь свою решающую роль сыграли те «уроки», которые Дружинин «брал» у Есенина. В метафорическом эпитете «соломенный» явно проявляется деревенское начало, характерное для дружининской поэзии. Солома для крестьян — образ знаковый, дорогой и близкий, неотделимый от крестьянского труда и быта. Вот каким проникновенным олицетворением завершается удивительное по своей умиротворенной интонации есенинское стихотворение «О красном вечере задумалась дорога» (1916): «И нежно охает ячменная солома, / Свисая с губ кивающих коров» (1, 75). В августе 1920 г., когда на крестьянских полях после уборки урожая остались соломенные ометы, Есенин напишет поэму «Сорокоуст», в финале которой с болью простонет гибельную весть о крестьянском Апокалипсисе: «Оттого-то вросла тужиль / В переборы тальянки звонкой. / И соломой пропахший мужик / Захлебнулся лихой самогонкой» (2, 84). В трагедии Есенина «Пугачев» главный герой, обращаясь к Сторожу, расспрашивает его о мужицком житье-бытье и выделяет самое затаенное, интимное, связанное с рождением урожая, доказывая тем самым, что он свой, деревенский. Так рождается удивительная и поэтичная картина. Крестьянин в начале лета идет в поле и ощупывает, «доит колосья ржи», с затаенным чувством радости и тревоги, предчувствуя, каким будет его урожай. Именно поэтому Есенин рифмует: «мужик — ржи»: «Слушай, отче! Расскажи мне нежно, / Как живет здесь мудрый наш мужик? / Так же ль он в полях своих прилежно / Цедит молоко соломенное ржи?» (Т. 3. С. 8)

Павел Дружинин начнет сборник «Соломенный шум», посвященный памяти матери, с цикла «Аржаные песни», не ржаные, а именно «аржаные», подчеркнув этим просторечным выражением ментальность крестьянского мировосприятия, вслед за Есениным, поставив в один ряд хлеб и поэзию, как дар Божий. Дружинин явно вступает в творческий диалог с имажинистом Есениным, по-библейски емко и лапидарно назвавшим свое программное стихотворение «Песнь о хлебе» (1921). Это самое бунтарское и самое протестное стихотворение Есенина, который и под маской имажиниста сохранил свое мужицкое нутро. Эзопов язык «мужицких имажей» стегает, наотмашь, как витой пастушеский кнут, «людоедскую власть». Напомним, что в 1921 г. был расстрелян Гумилев, а в августе этого же года умирает от голода Блок. На это намекает Есенин, используя «соломенные имажи»: «Наше поле издавна знакомо / С августовской дрожью поутру. / Перевязана в снопы солома, / Каждый сноп лежит, как желтый труп» (1, 151). «Людоедка-мельница» — это рок, это государство, которое перемальвует поэтов. Есенин с болью восклицает: «Никому и в голову не встанет, / Что солома — это тоже плоть. / Людоедке-мельнице зубами / В рот суют те кости обмолоте... // Все побои ржи в припек окрасив, / Грубость жнущих сжав в духмяный сок, / Он кушающим соломенное мясо / Отравляет жернова кишок» (1, 152). Именно этим и объясняется протест поэта, получивший выражение в его скандалах: «И свистят по всей стране, как осень, / Шарлатан, убийца и злодей... / Оттого что режет серп колосья, / Как под горло режут лебедей» (1, 152). Потому есенинскую «Песнь о хлебе» надо читать как «Песнь о поэте». Для крестьян хлеб, рожь — дар Божий, как стихи для поэта. Поэт, получивший Дар Божий, превращается в «солому», в «труп». Есенин здесь предсказывает гибельную судьбу новокрестьянских поэтов: Ганина, Ключева, Орешина, Клычкова. Все они — «побои ржи». Жертвой жестокой «мо-

лотыбы» стали переломные судьбы самых талантливых новокрестьянских поэтов. Сохранился экземпляр сборника «Соломенный шум» с автографом Павла Дружинина: «Ване Приблудному в знак сердечной приязни. Павел Дружинин. 12/VI—24. Москва», подаренный ученику Есенина Ивану Приблудному, ставшему, как и его старшие собратья по перу, в 1937 г. жертвой «людоедки-мельницы»...

Этот экскурс в подтекст есенинских «соломенных» метафор помогает понять, почему Павел Дружинин называет первый раздел своей книги — «Аржаные песни». В связи с этим нельзя не отметить, что у поэтов из новокрестьян — каждый «соломенный образ» на вес золота. Программным для сборника «Соломенный шум» стало стихотворение «Поэт» (1923), явно навеянное есенинскими мотивами. Как у Есенина, у Дружинина поэт — странник, идущий по Руси, воспевающий ее просторы. Вспомним есенинское стихотворение «Инок», опубликованное в сборнике «Радуница» (1916). В отредактированном в 1922 г. варианте его начало стало таким: «Пойду в скуфье смиренным иноком / Иль белобрысым босяком / Туда, где льется по равнинам / Березовое молоко» (1, 40). У Дружинина создан близкий Есенину образ лирического героя и выделяется характерный «соломенный мотив»: «В груди сырой землицы / Нащупав жесткий след, / Иду с своей кошницей / Бродяга и поэт. // Взращенный мудрым соком / Седого ивняка, / Смотрю я кротким оком / На брата-мужика. // О, как же, как оставлю / Соломенный мотив! / Тебя пою и славлю / В посконных ризах нив // На желтые дороги / И пот и слезы люю, / И твой простор убогий, / Как плоть свою люблю. // Твою и жизнь, и раны — / Чумазы поля, — / Ни на какие страны / Не променяю я. // Твоей дышу я болью / И медом горьких трав, / К лютюму ржаному с солью / Неистово припав. // И нежно повторяя / В стихах «мужик» и «Русь», / Я по родному краю / И плачу и смеюсь»⁹.

На самом деле, Дружинину вскоре оставалось только «плакать и смеяться». Хотя он и избежал смерти физической, но с легкой руки «золотого дитя партии» (так любовно называл Бухарина В.И. Ленин) его «пропустили через мельницу» идеологической обработки. 12 января 1927 г. в газете «Правда» был опубликован фельетон Н. Бухарина «Злые заметки». Так началась официальная компания по борьбе с есенинщиной. Поводом для Бухарина послужило стихотворение Павла Дружинина «Российское», опубликованное в журнале «Красная новь». Он цитирует первые четыре четверостишия из этого стихотворения, сопровождая язвительными комментариями. Приведем их полностью: «О, Русь чудесная! Жива ты, / Как живы русские блины. / Твои соломенные хаты / Овсяной тайною полны. // Своя земля, как кладень древний, / Над ней кочует свет и мрак. / И в каждой хате есть царевна, / И в каждой улице — дурак. // На них цветные сарафаны / И заливастские штаны... / На кой же черт иные страны, / Кромя советской стороны! // И я люблю тебя такую / С тоской и горечью полей / И не отдам твою тоску я / За всех заморских журавлей»¹⁰.

Издеваясь над корявой строчкой «кромя советской стороны», Бухарин делал далеко идущий вывод: «Это уже не только «национальная ограниченность». Это просто-напросто шовинистическое свинство... Могут сказать о некоторой доле иронии у идеолога блинов, штанов, царевен и дураков... Но ирония-то эта — ирония юродствующих». Далее Бухарин переходит к Есенину: «С легкой руки Сергея Есенина... у нас расплодилось по всей литературе... жирное пятно от этих самых «истинно-русских блинов. Между тем есенинщина — это самое вредное, заслуживающее настоящего бичевания, явление нашего литературного дня... Есенин талантлив? Конечно, да... И все-таки в целом — есенинщина это отвратительно напудренная и нагло раскрашенная российская матерщина, обильно смоченная пьяными слезами...»¹¹.

Что же есенинского в этом раскритикованном стихотворении Дружинина? Это

становится ясным, если его сравнить с программным стихотворением Есенина «Гой ты, Русь моя родная» (1914). Творческие переключки и параллели налицо. Начинается с обращения к Руси: у Есенина: «Гой ты, Русь, моя родная» — у Дружинина: «О, Русь чудесная, жива ты». У Есенина: «хаты — в ризах образа», у Дружинина: «Это соломенные хаты, / Овсяной тайною полны». Поэты подчеркивают, что для них родная земля — святыня. В финале лирический герой Есенина отказывается «кинуть Русь», предпочитая ее «земной рай» раю небесному. У Дружинина антитеза связана с противопоставлением Руси и «заграничного рая». Всем складом своего стихотворения «Российское» Дружинин доказывал, что жива «Русь чудесная», значит жив наперекор бухариным и ему подобным «филологам-идеологам» соломенно-желтоволосый Есенин!

Так новокрестьянский поэт, автор «Песен самоучки» и «Соломенного шума», «поэт от сохи» стал просто «мальчиком для битья», а нацелен был памфлет «Злые заметки» своим ядовитым острием, прежде всего, в сердца искренних почитателей Есенина. Судя по издевательскому тону памфлета «Злые заметки», стихотворение «Российское» Николай Бухарин воспринимает и толкует примитивно, не учитывая его характерной крестьянской иронии. Как тут не вспомнить строки из шуточного стихотворного экспромта Есенина «Заря Востока», доказывающие, что рязанский поэт многому научился у Генриха Гейне: «Ирония! Вези меня! Вези. / Рязанским мужиком прищуривая око» (4, 196). В стихотворении «Российское» есть эта мужицкая ирония, которая была не понята Бухариним. Именно она сближала Дружинина с Есениным, и не было в ней ничего «юродского».

Еще очевиднее переключки с Есениным в стихотворении Павла Дружинина с характерным названием «Деревянное горе», опубликованном в сборнике «перевальцев» в 1923 г. Эпитет «деревянное горе» сразу заставляет вспомнить заветно-исповедальное, как заклятие, архаически архетипическое, «звериное» признание Есенина в программном стихотворении «Хулиган» (1921): «Русь моя! Деревянная Русь! / Я один твой певец и глашатай. / Звериных стихов моих грусть / Я кормил резедой и мятой» (1, 153). Символично то, что стихи «Песнь о хлебе» и «Хулиган» в Полном собрании сочинений С.А. Есенина напечатаны рядом в первом томе (С. 151–153). На самом деле, одно неотделимо от другого. Хулиганство Есенина — это протест против «людоедки-мельницы». А ей по зубам и «деревянная Русь».

А на исконной Руси все — «деревянное». Павел Дружинин это понимал, как никто, всей душой соглашаясь с тем заклинанием, которое твердил Есенин в трактате «Ключи Марии» (1918): «Все от древа — вот религия мысли нашего народа...» (5, 190). У Павла Дружинина в стихотворении «Деревянное горе» (1923) все — «от дерева». Затаив дыхание, крестьянский поэт слышит: «Деревянные сохи и бороны / Деревянные песни поют... // Деревянное все, деревянное, / Деревянная старая быль! // ...В берестовые буты обутые / Деревянные мужики!»¹². Себя поэт не отделяет от мужиков, он такой же, как они, «деревянный». С ними он хлебал с «аржаными лепешками» одни «постные щи»: «Сам деревянную ложкою / По губам у себя протащил». О крестьянском горе Павел Дружинин знал не понаслышке, сам он хлебнул его вдосталь еще в детстве. Дружинин бесстрашно признается, что в годы Советской власти после революции, которая, по словам поэта, пронеслась над Русью, «как буйная, пьяная гроза», «Не потухло еще деревянное / Застаревшее горе в глазах...»¹³. Не случайно второй раздел его сборника «Соломенный шум» получил название «Черная быль»...

Как известно, изба у новокрестьянских поэтов — один из архетипических образов, они воспели избяной космос, символически придав деталям деревенского быта вселенский характер. Вспомним «Избяные песни» Н. Клюева, воспевшего «рождество избы». Есенин признавался в 1925 г. в стихотворении «Спит ковыль»

Равнина дорогая...»: «И теперь, когда вот новым светом / И моей коснулась жизнь судьбы, / Все равно остался я поэтом / Золотой бревенчатой избы» (1, 126). В сборнике «Перевал», вышедшем в 1926 г., опубликовано стихотворение Павла Дружинина «Изда», от которого веет «ржаным духом» свежее испеченного хлеба. Есенинский мотив ухода в Москву из деревни и разрыв с крестьянским укладом жизни Дружинин раскрывает по-своему, обращаясь к архетипам крестьянского бытия: «Я растерял твой хлебный запах, / Иным я запахом дышал, / Но и досель в мужичьих лапах, / Как зверь, колотится душа»¹⁴.

«Аукнется» Павел Дружинин с Сергеем Есениным и в 1931 г., когда борьба с «есенинщиной» будет набирать новые обороты. Надо отдать дань смелости поэта, который наперекор всем назовет свой сборник стихов «Серебряный ветер», позаимствовав эту метафору из есенинского стихотворения «Свищет ветер, серебряный ветер» (1925). Есенинский метельный, с звенящей поземкой стих — предвестье зимнего дыхания смерти. Есенин смерть предчувствует, но стремится весь экзистенциальный ужас перед ней по-философски переосмыслить, образно говоря, спустить клокочущий «пар» посредством свиста ветра: «Жить нужно легче, жить нужно проще, / Все принимая, что есть на свете. / Вот почему, обалдев, над рощей / Свищет ветер, серебряный ветер» (1, 290). Павел Дружинин в этом сборнике с подчеркнуто есенинским названием публикует стихотворение «Поэт», представляющее образный портрет Есенина: «О, знаменитый и кудрявый...»

Важно отметить то, что в годы Великой Отечественной войны поэзия П.Д. Дружинина встает на odpor врагу. Дружинин пишет духоподъемное продолжение своего стихотворения «Российское» — «Родина» (1941–1945), где «скрытая теплота патриотизма», если использовать выражение Л.Н. Толстого, вспыхнет ярким пламенем. Поэт уже без присущей ему иронии, с воодушевленным пафосом признается в любви к Родине:

Люблю тебя я всей душою,
Всем сердцем пламенным люблю
За небо русское большое,
За душу русскую твою¹⁵.

Эти строки можно считать ответом на обвинения Н. Бухарина в «шовинистическом свинстве». Явно намекая на Есенина, Дружинин пишет: «Когда и где и позабуду ль / Твою я песенную удаль, / Иль малодушно устыжусь / За озорство твое и грусть!»¹⁶. Своеобразным продолжением «темы русских блинов» из «Российского» здесь становится ироническое заявление поэта, обращенное к фашистским войскам: «Но побывавши в нашей бане, / Хлебнув горячих русских щей, / Враги с опухшими губами / Шли восвоися поскорей»¹⁷. Отметим такой факт: и Сергей Есенин даже после смерти помогал своей поэзией бороться с врагами. В фондах музея-заповедника С.А. Есенина в Константиново сохранились рукописные сборники Есенина, составленные солдатами Великой Отечественной войны. П.Д. Дружинин в меру своего таланта продолжал есенинскую традицию патриотической русской лирики, создав программное стихотворение «Родина», по ритмике и размеру, по образной структуре и эмоциональному настрою тесно связанное с его подвергнутому травле интернационалистом Бухариным стихотворением «Российское». Дружинин, обращаясь к Родине, напишет пафосные строки: «И трижды крепок в дни невзгоды, / В години бедствий и разрух. / Твой богатырский от природы / Несокрушимый русский дух»¹⁸.

Немаловажно отметить то, что в годы Великой Отечественной войны Павел Дружинин вернулся в родные края, жил в Наровчате, где работал ответственным секретарем в районной газете «Сталинский призыв». Павел Давыдович часто бывал в Пензе, где его стихи на военную тематику периодически публиковались в газете

«Сталинское знамя». В Пензе вышел его сборник «Военная лира: стихи, издание газеты «Сталинское знамя» (1943) (Библиотечка агитатора и пропагандиста. Серия «Стихи, рассказы, очерки об Отечественной войне»). В 1947 г. в Пензенском областном издательстве вышла книга Павла Давыдовича Дружинина «Избранные стихи» с предисловием Ильи Сельвинского, в частности отмечавшего: «В поэзии Дружинина разлита чудесная певучесть русского народного стиха, доведенного до высоты современного понимания ритма. В его стихах большое разнообразие чувств, переживаний, настроений — удаль сменяется раздумьем, печаль — юмор. Эти стихи очень живы, живы каждой строчкой, каждой жилкой...»¹⁹.

Всего П. Д. Дружинин написал и издал около 20 книг, последний прижизненный его сборник «В гостях у солнца» вышел в 1965-м, в год его смерти. В 1987 г., спустя двенадцать лет после кончины поэта, главный редактор журнала «Наш современник», поэт Сергей Викулов так писал о П. Д. Дружинине и его творчестве в предисловии к посмертному сборнику «Стихотворения»: «В знании склада народной речи, деревенского быта, в отличном понимании русской крестьянской натуры сила таланта поэта. Но Павел Давыдович не весь в этом. Свежо и объемно, реалистично описывает он природу. Особенно хороши у Дружинина лирические стихи-раздумья, не притягательные внешне, но с мощным глубинным течением, захватывающим сердце... Павел Давыдович Дружинин скончался, дожив до 75 лет, пройдя большую, содержательную жизнь. Лучшие песни, каких ему хотелось в молодости, спеты, и спеты без фальши: сердце и время очень точно настроили и поставили его поэтический голос»²⁰. Как тут не вспомнить есенинские строки из стихотворения «Я покинул родимый дом» (1917), лирический герой которого, сельский парень, осознав пробуждение поэтического дара, так обращается к матери: «Воспою я тебя и гостя, / Нашу печь, петуха и кров... / И на песни мои прольется / Молоко твоих рыжих коров» (1, 116).

Судьба Павла Дружинина напоминает сказку о новокрестьянском «поэте-колобке», который оказался в объятиях «людоедки-мельницы», но избежал гибели, выкатившись из ее цепких лап. Заплатил за это Дружинин оскудением поэтического дара, которое с годами все более заметно. К сожалению, и это надо признать, ничего равного по художественной силе тому, что написал Павел Дружинин в свои судьбоносные 20-е годы, позднее он создать не смог. Или не публиковал, боялся. Архив его еще до конца не разобран. Возможно, из вороха пожелтевших от времени бумаг выкатится «аржаной» колобок истинной дружининской поэзии, согревая души читателей теплом свежее испеченного каравая. Недаром Дружинин сравнивал свое появление на свет с рождением ржаного колобка. Об этом поэт проникновенно написал в стихотворении «Сыновнее» (1926), обращенном к матери: «Мать родная! Вам известно, / Был я Вам покорным. / Вы меня кормили честно / Вашим хлебом черным. // Плоть от плоти, в жаркой муке, / С голосистой жаждой / Я скатился в Ваши руки / Колобком однажды»²¹.

Белое молоко Сергея Есенина и черный хлеб Павла Дружинина — архетипические образы новокрестьянской поэзии. Ими и жива «чудесная Русь», воспетая поэтами, один из которых был родом из рязанского села Константиново, а другой — из пензенского села Тезиково.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Дружинин Павел. Автобиография // Избранные стихи. Пенза. 1947. С. 5.
2. Там же. С. 8.
3. Есенин С.А. Полн. собр. соч.: в 7 т. М., 1995–2001. Т. 7. С. 15. В дальнейшем цитируется это издание с указанием в круглых скобках тома и страниц.
4. Дружинин Павел. Стихотворения. М., 1987. С. 14.
5. Дружинин Павел. Огневые зори // Избранные стихи. Пенза. 1947. С. 13–14.

6. Дружинин Павел. Песни самоучки // Избранные стихи. Пенза. 1947. С. 19.

7. Дружинин Павел. Встречи с Есениным. Пензенская правда. 1966 г. 16 марта. Далее цитаты приводятся по этой публикации.

8. Павел Дружинин. Соломенный шум // Красная новь. 1924 г. № 5. С.121.

9. Дружинин Павел. Соломенный шум. М., 1924. С. 8–9.

10. Дружинин Павел. Российское // Красная новь. 1926. № 12. С. 139.

11. Бухарин Николай. Злые заметки // Правда. 12 января 1927 г. Далее цитаты приводятся по этому изданию.

12. Дружинин Павел. Деревянное горе // Перевал. Сборник под редакцией А. Веселого, А. Воронского. М., 1923. С. 27.

13. Там же. С. 28.

14. Дружинин Павел. Изба // Перевал. М., 1926. С. 28.

15. Дружинин Павел. Родина // Избранные стихи. С.20.

16. Там же. С. 20.

17. Там же. С. 22.

18. Там же. С.21–22.

19. Сельвинский Илья. Предисловие // Избранные стихи. Пенза. 1947. С. 3.

20. Викулов Сергей. Песни сердца // Стихотворения. М., 1987. С.10.

21. Дружинин Павел // Избранные стихи. Пенза. Пенза. 1947. С. 18.

